

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ
СИТУАЦИЯ

НА РУБЕЖЕ
XX-XXI ВВ.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.**

МОСКВА 2012

УДК 94
ББК 63.3
И 904

Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. – М.: ИВИ РАН, 2012. – 406 с.

В книге рассматриваются актуальные проблемы исторического познания и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. Авторы статей анализируют новейшие тенденции и подходы в области методологии истории и историографии, новации в концептуальном аппарате и инструментарии исторических исследований, предлагая различные варианты возможных в современном историописании исследовательских практик. Издание посвящено юбилею и сорокалетию научной деятельности заместителя директора Института всеобщей истории РАН, Президента Российского общества интеллектуальной истории, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Лорины Петровны Репиной.

ISBN 978-5-94067-364-4

© Институт всеобщей истории РАН, 2012 г.
© Российский государственный гуманитарный университет, 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Пивовар Е.И. Лорине Петровне Репиной.....	5
--	---

Историческое познание в условиях историографической революции

Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодерна.....	7
Чеканцева З.А. Нужна ли историку теория образа? Эпистемология исторического образа на рубеже XX–XXI вв.....	23
Савельева И.М. «Исторический поворот» за пределами истории	36
Зверева Г.И. О критической функции социально-гуманитарных наук в условиях воспроизводства массового медийного знания.....	55
Вжосек В. О необходимости культурологической перспективы в исторических исследованиях.....	61
Ионов И.Н. Глобальная история и проблема исторического оптимизма.....	75
Тоштендаль Р. Профессионализм историков становится глобальным?.....	93
Алеврас Н.Н. История историографии, интеллектуальная история и историческая когнитивистика: к вопросу о взаимодействии, общности интересов и природе «историографического источника».....	110
Николаева И.Ю., Могильницкий Б.Г. Методологические ресурсы новой интеллектуальной истории в свете текущего этапа историографической революции.....	124
Пивовар Е.И., Цимбаева Е.Н. Влияние теории истории на развитие исторической науки.....	141
Высокова В.В. История когнитивная / история интеллектуальная: различия и точки соприкосновения.....	157
Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях.....	167
Колесник И.И. «Очарование вещами» как поворот в интеллектуальной истории.....	177

Историографическая ситуация и практики историописания эпохи «современности»

Попова Т.Н. Метаморфозы историографии, или история с историей истории.....	198
Посохов С.И. Историографические образы: вариант деконструкции (на материалах историографии российских университетов вторая пол. XIX – начала XX вв.).....	216
Кузнецов А.А. Провинциальная историография России первой трети XX в.: альтернативы развития и реализованные возможности.....	239
Корзун В.П. Бои за Ключевского в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества.....	257
Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Социально-ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве: приглашение к дискуссии.....	274
Блэквелл Констанс. Неоплатонический конкордизм и определения различия.....	291
Сидорова Т.А. Ф.У. Мейтленд: признание историка, увековеченного в Вестминстерском Аббатстве.....	312
Экштут С.А. «Служил примером отличной храбрости»: генеральские награды за Бородино.....	326
Леонтьева О.Б. Тема социального раскола в историческом сознании российского общества XIX – начала XX вв.....	342
Рыженко В.Г. Личностный аспект в формировании современных горизонтальных коммуникаций: Л.П. Репина и омские историки.....	360

О новой книге Л.П. Репиной

Селунская Н.Б. Образ истории и личность историка (по поводу книги Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика»)...	375
Лаптева М.П. Раздумья на полпути: о книге Л.П. Репиной.....	391
Об авторах.....	401

«ОЧАРОВАНИЕ ВЕЩАМИ» КАК ПОВОРОТ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Вещи вокруг нас

С именем Лорины Петровны Репиной связаны неоспоримые успехи интеллектуальной истории на постсоветском научном пространстве. В качестве исследователя и организатора науки, главы российского общества интеллектуальной истории ею много сделано для утверждения этого тренда в исторической науке, а также структурах сознания современного историка. История идей, возникшая в первой трети XX в., позднее под влиянием «новой исторической науки» трансформировалась в интеллектуальную историю, проявлявшуюся в самых разных формах: от истории культурных элит, идеологий до интеллектуальной истории низов (массового сознания, ментальностей, идентичностей). В нынешней ситуации происходит очередная модернизация интеллектуальной истории, по мнению Ж. Гийому, речь идет о «'языковом' переопределении интеллектуальной истории»¹, превращении ее в историю понятий. Причиной таких метаморфоз послужил «лингвистический поворот», смысл которого заключался в усложнении процедур контекстуализации, означавшей, что понятие, как аналитическая структура, рассматривается не только в историческом, но и лингвистическом аспектах. Задача историка понятий, по утверждению Г.-Г. Гадамера, заключается в постоянном «прояснении» понятий², т.е. определении смысла и всего спектра возможных значений. Одним из таких понятий, требующих «прояснения» в структурах современной гуманитаристики, является понятие «материального поворота».

Все существование современного человека, его привычки, поведение, стиль жизни определяются вещами, огромным количеством предметов вокруг него. Собственно присутствие вещей и

¹ Гийому Жак. Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, проверенная на опыте лингвистических событий // История понятий, история дискурса, история метафор: Сб. ст. под ред. Х.Э. Бедекера. Пер. с нем. М., 2010. С. 85.

² Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 36, 41.

отличает сообщество людей от стада обезьян. Ж. Бодрийяр выделяет практические, культурные и социальные функции вещей³. Предметы быта формируют привычки, поведенческие стереотипы, возникающие вокруг повседневных вещей. Культурная функция вещей связана с социальным статусом человека в обществе, определением его идентичностей. Представители разных классов, социальных групп различаются между собой не только марками автомобилей, одеждой, домами но и статусным поведением. Так, представители высших слоев, интеллектуалы предпочитают модерн и авангард, к классике проявляют склонность люди более низкого социального статуса и консервативных взглядов. Для высшего круга индексами элитарных развлечений являются балет, театр, концертные залы, для малообеспеченных групп – стадионы и кинотеатры. Элита читает интеллектуальную прозу, критику, толстые журналы, массы – детективы, дамские романы, книги с незатейливым сюжетом. Богатые ценят марочные красные сухие вина, малоимущие – пиво, тонизирующие напитки. Любая вещь вокруг нас служит социальным маркером, ее социальная функция обусловлена процессами социализации людей, вхождением их в социум и определением своего места в социуме⁴.

Материальные предметы выполняют важную психологическую функцию, восстанавливая внутреннее равновесие, снимая напряжение и стрессы, вещи лечат неврозы, удовлетворяют или рождают страсть, подвигают людей на важные поступки, подвиг или преступление. Люди/humans и не-люди/nonhumans, вещи, предметы вступая в активное взаимодействие, создают новые отношения, социальные связи, сети коммуникаций, словом, иное социальное пространство.

Вещи в рецепции историков

Научный интерес к вещам, предметам старины зарождается в эпоху Ренессанса. Со временем ренессансный «антикварионизм» превращается в антикварное движение, которое в конце XVIII в. передает эстафету Романтизму с его интересом к этнографии,

³ Бодрийяр Жан. Система вещей. М., 1999. С. 109.

⁴ Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992. – URL: <http://philologos.narod.ru/texts/karasik/status00.htm>

археологии, фольклору, народным обычаям и быту. Научный интерес к вещам, разбуженный романтиками, позитивизм поставил на прочный фундамент специальных наук (этнология, социология, история культуры) и вспомогательных дисциплин, предметом внимания которых стали материальные объекты (нумизматика, сфрагистика, бонистика, фалеристика, иконография, геральдика, вексилология). Со второй половины XX в. вследствие «антропологического поворота» возникает новая предметная сфера изучения вещей – история повседневности (Everyday Life History, Alltagsgeschichte). Н. Пушкарева определяет повседневность как мир, в котором человек живет и взаимодействует с другими: это условия жизни, труда, отдыха, образование, быт, рациональное питание, лечение, условия проживания, социальной адаптации, поведенческие реакции, социально-политические предпочтения, восприятие событий истории сквозь призму сознания определенной социальной группы или индивидуума.

В истории повседневности выделяют два направления. Одно ориентировано на изучение рутинных, повторяющихся событий, серийных процессов в обществе, другое сосредоточено на фиксации особенного, чрезвычайного, неординарных случаев и поступков, экстремальных ситуаций, уникальных явлений, праздников. Исследовательский инструментарий истории повседневности включает: методики прикладной социологии, количественные методы (ориентированные на массовые, серийные явления), усную историю (анкетирование, опросы), методы этнологии, культурной антропологии, исторической демографии, семиотики (когда предмет/вещь воспринимается как знак, символ, метафора). К числу недостатков относят: эмпиризм, фактографизм, отсутствие синтеза, неспособность интегрировать в единое целое совокупность разрозненных тематических исследований и как следствие излишек мелких деталей, подробностей, описательность, фрагментарность повествования. История повседневности оказалась не в состоянии преобразовать многочисленные жизненные истории «человека из толпы» в целостную картину исторической жизни⁵.

⁵ Пушкарева Н. «История повседневности» как направление исторических исследований. Перспективы. Фонд исторической перспективы.

В пространстве украинской исторической науки стремительное развитие истории повседневности началось с конца 1990-х и продолжается по сей день. Издаются многочисленные монографии, статьи, сборники, защищаются диссертации, проводятся конференции, среди историков разве что только ленивый не занимается историей повседневности. При этом одни авторы констатируют, что «в современной украинской историографии оформилась история повседневности как направление исследований», другие полагают, что «границы предмета исследования остаются размытыми», и сама «реконструкция повседневной жизни» невозможна средствами лишь «традиционной исторической методологии», что актуализирует заимствование «разнообразных теоретических схем, моделей, категорий из иных гуманитарных дисциплин (социологии, демографии, антропологии, культурологии, психологии и т.п.)»⁶, превращая это направление в междисциплинарное исследовательское поле.

Совершенно очевидно, что история повседневности возникает как реакция на безраздельное господство больших объяснительных схем (истории формаций, классов, «великих культур», «локальных цивилизаций»), однако материальное в ней присутствует лишь в качестве фона, контекста «новой» социальной истории низов. Возникшая в недрах «Анналов» история «снизу» воспринималась как ответ на традиционную историю элит и представляла интерес с точки зрения новых методик исследования малых социальных групп, истории «маленьких людей» в контексте жизни общества.

С конца 1990-х гг. ситуация радикально меняется под влиянием роста интереса к феномену вещиности, предметам материального мира. Внимание к вещам, к материальным объектам сопровождалось соответствующей риторикой: «Возвращение к вещам», «Вещь как Другой» (Е. Доманская), «Назад к вещам», «Вещи кокруг нас», «Бытие вещей», «Социальная жизнь вещей»

URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_naprayvlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm

⁶ Коляструк О., Коляструк О. Проблематика історії повсякденності в сучасній українській історіографії // Історія повсякденності: теорія та практика: мат-ли Всеукр. наук. конф. Переяслав-Хмельницький, 2010. С. 25, 26, 27; Заболотна Т. Історія повсякденності – «панацея від усіх хвороб» чи пастка для історика? // Там же. С. 40.

(Б. Латур). Оформляются новые направления в истории и социологии: в США New Cultural History, Новая материальная история или Новые материальные студии, Штудии по истории вещей (Things Studies). Набирает обороты STS-направление – Научно-технические студии или исследования «Науки, техники, общества» (Science. Technology. Society). Последнее направление стимулировало дискуссии о роли материальных объектов в конструировании социальной реальности. Существуют сторонники и противники STS-проекта. В последние 25 лет, писал Б. Латур в 2000-х гг, «небольшая предметная область социологии, известная как ‘исследования науки и техники’ (STS), несколько прояснила, что такое естественные науки и поставила под сомнение само понятие общества». Значение эпохи STS заключается в том, что «Великий раскол» (Great Divide) на естественные и гуманитарные науки устарел. До этого обществоведы, отлученные от природных объектов и верящие в «научный метод», «были парализованы ‘завистью к физике’». По словам Б. Латура, STS подтверждает несовместимость некоторых новых объектов естественных наук с социологическим методом. Вместе с тем материалы STS, описывающие практики лабораторий и прочих научных учреждений, стали предметом детального исследования историков, антропологов и социологов⁷.

Составной частью STS является «материальная герменевтика», которая воссоздает «голоса» вещей, там, где они безмолствовали. Вещи могут представлять и проявлять себя благодаря инструментам-технологиям. С помощью микроскопов, спектрографии, радиоуглеродного датирования, компьютерного моделирования и других новейших технологий можно реконструировать изучаемый материальный объект⁸. Так, инструменты-технологии применяются при изучении «ледяного человека», останков людей и не-людей в музеях, а также истории мумий (возможно установить, из какой местности происходил этот человек, химический состав его костей характеризует, чем он питался, и какой способ жизни вел, чем болел и от чего умер). Многочисленные бытовые предметы из гробницы

⁷ Латур Брюно. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. Сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 342-343, 190, 351.

⁸ Доманська Ева. Річ як Інший.. // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 2. К., 2006. С. 129-130.

Тутанхамона (умершего, по данным ДНК-анализа, от запущенной малярии), на которые ранее даже не обращали внимания, ныне являются источником изучения привычек, способа жизни, рациона питания, организации досуга, увлечений (занятия спортом, охота, развлечения), репрезентационных функций одежды фараона и т.д. Разумеется, материальная герменевтика, являясь составляющей текстуальной герменевтики, открывает новые горизонты при изучении вещного мира, действительности в целом.

«Поворот к вещам» охватил и историческую науку. «Материальная» тенденция связана с историей артефактов. Польский ученый Кшишфтоф Мацей Ковальский считает артефакты универсальной категорией исторического познания, отличающейся и от источника, и от «экофакта». Артефакты – материальные свидетельства сознательной и подсознательной деятельности человека – делятся на две группы: коммуникационные, имеющие адресатов, и некоммуникационные исключительно утилитарного характера. По функциональному принципу артефакты различают как: 1. имущественные, мигрирующие вместе с культурными декорациями (артефакты связанные с историей поселений и перевозками, архитектурные артефакты); 2. мобильные, остающиеся в первоначальном контексте (сакральные и светские объекты); 3. более мобильные, функционирующие во вторичных контекстах⁹. Есть все основания констатировать, что «поворот к материальному» в современных социогуманитарных науках вступил в стадию рефлексии.

«Поворот к материальному»: предпосылки и содержание

Причины поворота к материальному, вещному миру современные социологи объясняют коренными сдвигами в обществе, вступившем в новую эру (под разными именами: «постиндустриальное», «информационное», «сетевое» общество). Признаками-маркерами такого общества являются: плюралистическая структура, индивидуализация, социальная мобильность, курс на образование и знания. Власть в современном обществе также приобретает сетевой характер. Сетевая власть, по

⁹ Kowalski Krzysztof Maciej. Artefakty jako zrodla poznania. Gdansk. Wydawnictwo uniwersytetu Gdanskiego, 1996.

мнению С. Белковского, появляется на любой территории, где есть деньги и административный ресурс.

Процессы индивидуализации в современном мире связаны с отказом от традиций (детрадиционализация) или, наоборот, сознательным конструированием новых традиций, а также с формированием «культуры нарциссизма». В фокусе внимания находятся структуры, образующиеся вокруг личности, которую отличают трудности общения, состояние постоянного эмоционального напряжения, опора на собственные силы и возможность выбора, регулируемая с помощью знаний.

Современное общество руководствуется и регулируется знаниями, в результате чего возникают «культуры знания», что связано с ростом требований к услугам научно-технических элит и существованием системы экспертиз, без которых немислим ни один серьезный экономический, социальный или политический проект, развитие науки, инновационных технологий. Научная экспертиза, исследования науки и техники сосредоточены вокруг материальных объектов, целых объектных миров, при этом объектные отношения (с предметами, идентифицирующими «Я»-личность) превращаются в социальные отношения, становятся составляющими этих социальных отношений¹⁰.

Ныне люди как-бы атакуются вещами, материальными объектами, которые выступают в качестве источника собственного «Я». Современный молодой человек и деловой мир не представляют своего существования без компьютера, компьютерных программ, социальных сетей, электронных устройств, инструментов-технологий и гаджетов (смартфона iPhone, планшетного компьютера iPad, мультимедийного плеера iPod, MP3-плеера, навигатора GPS). Ввиду этого современную социальность трактуют как «объект-центричную социальность», которая предполагает интеракцию (взаимодействие) между людьми и материальными объектами (компьютерами, компьютерными программами, гаджетами). По мысли социологов, «объект-центричная социальность» является продуктом общества знания и индивидуализированного способа

¹⁰ *Кнорр-Цетина Карин.* Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // *Социология вещей.* Сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 270-271, 275-279.

жизни¹¹. Понятие «эксперт», «техническая компетентность», «экспертные системы» отражают объектные отношения между человеком и материальными объектами. Последние выполняют интегративную функцию, создавая объектные и эмоциональные миры, демонстрируя при этом определенную культурную динамику (регулярная смена поколений «яблочных гаджетов»).

«Материальный поворот» имеет идеологические предпосылки и основания. Обращение к миру вещей воспринималось как реакция на антропоцентризм с его пренебрежением к вещам, который доминировал в социогуманитарных науках со второй половины XX в. «Поворот к вещам» направлен против таких технологий Постмодерна, как: нарративизм, текстуализм, деконструктивизм и означал отказ от контрroversы социального и материального.

Амбивалентный характер процессов современного общества связан с антропологизацией вещей, с одной стороны, и овеществлением людей, с другой. Сегодня вещи живут своей жизнью, предметы наделяются человеческими качествами. Латур писал: «я постоянно говорю с моим компьютером, который дерзит мне». Вещи поддаются либерализации, подобно людям они имеют свои права. Происходит виртуальная персонификация вещей и объектов, их преследуют, арестовывают, убивают, они болеют (Е. Доманская). Вещи направляют действия людей, иногда заменяют собой действия человека, показывают, как человек должен поступать (компьютерные программы, GPS, бытовые электронные устройства). Обратная сторона – это овеществление людей: торговля людьми, пересадка органов, суррогатное материнство. Институт рабства вообще ликвидирует концептуальное различие между людьми и вещами (детское, сексуальное рабство, эксплуатация инвалидов, бездомных, труд малолетних). Прозрачность границ между миром вещей и миром людей символизируют людские атрибуты (донорская кровь, почки, стволовые клетки и т.д.), а также обмен ими.

Смысл «поворота к материальному» заключается в новых формах концептуализации вещей. В современном обществе исчезают грани между духовным и материальным, предметом и человеком, все вместе они становятся элементами единой сети. Ядро «поворота» составляет акторно-сетевая теория (Actor Network

¹¹ Там же. С. 302.

Theory) Б. Латура. Во-первых, ANT-анализ означает, что общество – это гетерогенная сеть материальных и нематериальных элементов, которые присутствуют в социальной жизни. Во-вторых, Б. Латур концептуализирует вещь/предмет/объект как актора в сети социального взаимодействия. В-третьих, материальные объекты выступают не просто экранами нашей социальной деятельности, но выполняют определенную работу¹². По Латуру, сама сеть является константной характеристикой социального взаимодействия. Находясь в состоянии взаимодействия, материальные объекты, тела-элементы создают пространство. Пространство, утверждают ANT-теоретики, не предшествует телам, а выступает как порядок их сосуществования. По словам Джона Ло, пространственность «осела в вещах» и представлена разными формами: регионы, сети, потоки. Потоки или текучая пространственность включает потоки информации, капитала и людей.

Идея сети также ре-актуализует пространство определенного типа. Пространство бывает евклидово, географическое и сетевое. С позиций сетевой теории, объект остается неподвижным и сохраняет свое место в сложившейся сети отношений с другими предметами. Так, морской корабль – материальный объект, который движется в евклидовом пространстве. Но корабль можно воспринимать и как «сетевой объект»: дерево, железные гвозди, смола, штурвал корабля, корма, каюты, паруса, трюм, мачты, навигационные приборы, пушки, команда – все эти элементы создают новую целостность, «сетевой мир», имеющий свою собственную пространственность. Однако, в пространстве сетей корабль остается неподвижен. Вместе с тем корабль можно рассматривать и как более мощную, разветвленную сеть объектов, каковой являлась вся Испанская колониальная империя (Дж. Ло). Объект остается неизменным до тех пор, пока устойчивы отношения между предметами в сети, изменения же возникают как «ошибка в сети»¹³.

¹² Латур Брюно. Об интеробъективности // Социология вещей. С. 187. Latour Bruno. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. Milton Keynes: Open University Press, 1987; Latour Bruno. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005; John Law and John Hassard (eds) Actor Network Theory and After. Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review, 1999.

¹³ Ло Джон. Объекты и пространства. // Социология вещей. С. 225, 227, 231-233, 238, 241.

Теоретическим основанием «поворота к вещам» служит теория фрейм-анализа. У И. Гофмана фигурирует понятие «фрейм деятельности» (frame of the activity). Фрейм – это пространственно-временные рамки деятельности человека, граница социального взаимодействия. Фрейм подобен картинной раме, не имеющей никакого отношения ни к содержанию картины, ни к миру вокруг этой картины. Фреймы не материальны (это информация, символ, код), но имеют материальные корреляты. Сцена, занавес, три звонка перед началом спектакля – это фрейм театра, таймер и шахматная доска с фигурками – фрейм игры или шахматного турнира, деловой костюм – фрейм делового общения¹⁴. Фрейм, полагает Латур, – это перегородка, ширма, двусторонняя «нематериальная мембрана», которая одновременно препятствует расширению человеческого взаимодействия «изнутри» и вмешательству «извне». Людей от обезьян отличает именно «фреймовое взаимодействие». Взаимодействие людей – это и «система фреймов», (которая ограничивает интеракцию), и сеть «с множеством различных дат, мест и людей»¹⁵.

Компонентом идеологии «материального поворота» выступает культурная биография вещей (The Cultural biography of things). Вещи, как и люди, имеют свои жизненные истории. Сожжение картины Ренуара подобно биографии человека, которого убили. Трагический эпизод с картиной Рембрандта «Даная», облитой кислотой, напоминает тяжело больного человека. Как и люди, любая вещь (предмет) имеет физическую биографию (физическое состояние вещи, откуда происходит, из чего она изготовлена) и культурную биографию, включающую информацию о ее владельце, эпохе и культуре, к которой она принадлежит, ее предназначении, статусе, периодах существования, смене ролей с течением времени. Например, физическая биография автомобиля предполагает изучение материалов, деталей, технического оснащения; культурная биография освещает экономическую историю авто (стоимость покупки, цена при продаже, перепродаже, траты на содержание), социальная – место авто в экономике семьи, историю перехода его из рук в руки, роль авто в социологии родственных связей (И. Копытофф).

¹⁴ Гофман Ирвинг. Закрепление форм действительности // Социология вещей. С. 60, 86, 116.

¹⁵ Латур Брюно. Об интеробъективности. С. 174, 176.

Вещи, подобно людям, имеют идентичности, обусловленные социальной ситуацией и временем бытования. Типичный случай, когда обыкновенная бытовая вещь через столетия превращается в раритет, антикварный предмет, приобретая эстетическую и научную ценность. Чем сложнее общество, тем больше идентичностей приобретают в нем люди и вещи. Драма личной биографии, подчеркивает И. Копытофф, это драма идентичностей, их столкновения и невозможности выбора между ними, если нет сигнала со стороны культуры или общества, позволяющего сделать такой выбор¹⁶. Подобно людям у вещей драма заключается в неопределенности их оценок и идентичностей. Звон, к примеру, имеет несколько идентичностей: бытовое металлическое изделие, колокольчик – цветок, юбка, а звон в христианстве – глас Божий («звонкая икона», «молитва в бронзе»), звон как звук благовест, перезвон, двузвон, трезвон. Идентичности Шампанского определяются в зависимости от контекста: то ли ферментированный виноградный сок, то ли вместе с икрой – символ роскоши, то ли раскрученный бренд. Совершенно очевидно, что в свете поворота к материальному вещи, предметы выступают как потенциально социальные объекты.

Социокультурная история вещей

Метафорический смысл поворота, по образному выражению Б. Латура, означал поворот «от изучения души общества к изучению его тела». По сути новый тренд в науке устанавливает равновесие материального и социального, humans/nonhumans элементов, гармонию «души» и «тела» общества. На наших глазах происходит легитимация целого направления в истории и социологии, которое еще не имеет устоявшегося названия. Наиболее часто в западной литературе употребляется «Science and Technologies Studies/научно-технические студии» или STS: «эпоха до STS», «STS-проект», «эпоха пост-STs», «двойник социологии-STs» (Б. Латур). Как варианты встречаются названия: «онтологический поворот» (О. Столярова), «поворот к онтологии», «поворот к материальному», «социология вещей» (В. Вахштайн), «материальный поворот» (О. Личковская)¹⁷.

¹⁶ Копытофф Игорь. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей. С. 137-139. 164-165.

¹⁷ Столярова О. Социальный конструктивизм: онтологический поворот // Вестник МГУ. Сер. «Философия». 2003. № 3; Вахштайн В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории //

Смысл и значение поворота трактуется как «обращение 'к вещам', материи, телесности» или «как попытка переписать природу социального», с учетом того, «какое место материальное занимает в социальном, как материальные объекты конструируют общество». В. Вахштайн называет две причины «поворота». Первая: в результате научно-технического прогресса появилось множество объектов, которые необходимо изучать. Вторая: социология вещей возникает в эпоху перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, когда рушится классический постулат «самое интересное для человека – человек». Коммуникации становятся «объектоцентричными, интересные вещи привлекают к себе большее внимание, чем неинтересные люди». Все это означает, по мнению В. Вахштайна, что «мы находимся посреди нового поворота к онтологии»¹⁸.

На наш взгляд, новое направление в изучении вещности, предметов материального мира, можно идентифицировать, по крайней мере в рамках исторической науки, как «социальную историю вещей» или «социокультурную историю вещей». Признаками легитимации нового направления – «социокультурной истории вещей» – служат: 1. формирование определенного аналитического инструментария, 2. создание новых методик и техник изучения социальности вещей, взаимодействия социальной и материальной сфер, 3. констатация основных линий интереса к проблеме (например: вещь и общество; вещь и пространство-время; вещь и индивидуум).

Разумеется, «новая история вещей» оперирует определенным набором терминов и понятий: «вещь», «объект», «сеть», «актор», «актант», «гаджет»/Gadget, «девайсы»/Devices, «техномы» и т.п. Багатство значений, семантическая пластичность этих слов-понятий представляет фазу отбора и апробации понятийного инструментария «новой материальной истории», которая сама находится на стадии формирования.

Социология вещей. Сб. ст. М., 2006; Личковская О.Р. Вещи как объекты, акторы и медиумы в социологическом теоретизировании и социальных практиках // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2010. № 889.

¹⁸ Онтологический поворот в социологии. 16 октября 2007. URL: <http://www.hse.ru/org/hse/innovation/news/260511.html>

История вещей: методологические подходы

При изучении вещного мира продуктивен принцип изоморфизма, предполагающий заимствование теорий, методов, идей из смежных областей знания. Анализ социальной и материальной сфер, humans/nonhumans элементов сети (взаимодействия) возможен с помощью таких понятий, как «культурный ландшафт», «локус», «хронотоп». Эти аналитические категории пришли из геокультурологии, которая «изучает пространственную культуру разных времен и народов»¹⁹. По определению Д.Н. Замятина, «культурный ландшафт» – «это территория или пространство, которые воспринимаются человеком сквозь призму культуры, социокультурных ценностей, знаков и символов»²⁰. Варианты определения аналитической структуры «локус» (лат.-локус, гр.-топос, укр.-место), находим у В.Г. Щукина: *место* – «замкнутое очеловеченное пространство», *топос* – «вещь как место, место как вещь»; *локус* – окультуренное пространство или освоенное и осмысленное человеком пространство. В.Г. Щукин фиксирует огромное разнообразие социокультурных локусов – дворянская усадьба, комната, больница, баня, вокзал, музей, ресторан, полицейский участок, тюрьма, кладбище, казарма, гостиная, кухня, будуар, кабинет, амбар, передняя, зимний сад и проч. «*Хронотоп*» – представление о целостном пространственно-временном континиуме²¹. Эти аналитические категории служат инструментом осмысления сетевой структуры общества сквозь призму взаимодействия человека с материальным миром вещей.

Посредством данных категорий конструируются модели изучения социокультурной истории вещей. Эти модели имеют в своей основе три определяющих элемента: природа – вещи – человек. Верификация подобных моделей возможна на примере локуса «дом»²². Дом, жилище – это первое культурное пространство

¹⁹ *Щукин Василий*. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Krakow. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1997. С. 19.

²⁰ *Замятин Дмитрий*. Русская усадьба: ландшафт и образ // Вестник Евразии. 2006. № 1 (31). С. 72.

²¹ *Щукин Василий*. Указ соч. С. 19-23, 27-29.

²² См.: Dom – spotkanie przestrzeni prywatnej i publicznej na tle przemian cywilizacyjnych XIX i XX w. Zbiór studiów. Pod redakcją

человека, отображающее картину мира человека. В языковом сознании концепт «дом» включает много смыслов и воспримается как вселенная человека, его семья, его убежище, крепость, вечный дом (домовина), храм или дом Божий²³. Дом имеет множество ипостасей: усадьба, квартира, крестьянская хата (изба), хижина, коттедж, вилла, шале, коммуналка, загородный дом, дворец, дача, курень. Дом выступает двойником человека и является социальным актором в сети humans/nonhumans элементов.

Дом – это маркер социального статуса человека, социальных взаимоотношений и социальной иерархии в обществе (верхи, низы, средний класс, различные социальные страты, маргинальные группы). На примере «культурной пары» дворянская усадьба/крестьянский двор можно апробировать нарративную и теоретическую стратегии исследования. Так, пространственно-временная модель помещичьей усадьбы, воссозданная в работах В.Г. Шукина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, демонстрирует потенциал нарративных стратегий в современном дискурсе вещиности. В их представлении усадьба – это культурно-хозяйственный ландшафтно-архитектурный комплекс. Усадьба как социокультурный локус и усадебная культура, в целом, проживают определенные стадии: 1. возникают во второй половине XVIII в.; 2. превращаются в мощный культурно-хозяйственный комплекс на протяжении XIX в.; 3. утрачивают хозяйственные функции и становятся центрами культурной жизни к концу XIX в.; 4. вступают в мемуарную фазу, превращаясь в музеи, разрушаются или поддаются реставрации.

Пространственно-временная модель помещичьей усадьбы как тип нарративной стратегии включает такие составляющие: 1. Сеть усадебных социокультурных локусов; 2. Пространство повседневного быта усадьбы; 3. Семейно-родственный мир усадьбы. Итак, разнообразные усадебные локусы создают иерархическую структуру, в центре которой находится помещичий дом, от него концентрическими кругами расходятся остальные локусы, входящие в структуру усадьбы: клумбы, фруктовый сад с беседками и аллеями,

пруд, хозяйственные постройки: конюшня, гумно, псарня, мастерские, мельница, кузница, оранжерея и т.п. Сам барский дом имел вертикальные и горизонтальные уровни. По вертикали расположены снизу парадные помещения, наверху – жилые; по горизонтали – комнаты для хозяев, их родни, гостей, людские, помещения для прислуги. Основное строение усадьбы имело и внутренних порядок – симметрично расположенные жилые покои, комнаты для развлечений, отдыха, учебы и занятий творчеством, терраса, коридоры, крыша, балкон, окна.

Важной составной частью воображаемой модели усадьбы является пространство быта, характеризующее распорядок дня, повседневную жизнь ее обитателей, интерьер (мебель, картины, произведения искусства, библиотека, домашние коллекции антиквариата, книг, древностей, старинных раритетов и пр.). Особенность бытового пространства усадьбы составляли занятия творчеством (музицирование, живопись, литература), отдых, организация развлечений и забав, праздники: официальные и религиозные (Рождество, Пасха), семейные (браки, тезоименитство, крестины).

Людское пространство усадьбы, усадебной культуры в целом, представлены семьей, несколькими поколениями обитателей усадьбы. Следующая группа – это друзья, гости, дальние родственники, деловые посетители, к третьей группе относятся слуги со своими функциями, селяне, работники, труд которых обеспечивал содержание всего усадебного комплекса. Каждая усадьба имела свой жизненный цикл, собственниками усадьбы, как правило, являлись три-четыре поколения одной семьи, а затем усадьба переходила в другие руки²⁴.

Течение жизни в усадьбе представлено разными темпоритами: сельское, замедленное, размеренное время; природно-хозяйственное время, зависимое от природных и производственных циклов, семейное время, имевшее линейную направленность от рождения до смерти личности, а также православно-религиозный календарь, в соответствии с которым, по мнению В.Г. Щукина, регламентировалось существование всего усадебного комплекса.

Нарративные стратегии дискурса вещей могут быть верифицированы и на материалах украинской усадебной культуры.

²⁴ Щукин В. Указ. соч. С. 60, 71-73, 78, 79, 95-105, 117, 163.

Образ украинской панской усадьбы, малороссийской усадебной культуры Т. Шевченко воссоздает в художественных повестях («Музыкант» и др.) в контексте «культурного ландшафта» украинского панства, мозаики усадеб своих друзей, ценителей его таланта: Качановка, Потоки Тарновских, Дегтяри, Сокиренцы, (Галаганов), Великий Подил (А. Родзянко), Яготин (Репниных-Волконских), где поэт жил и творил. Модель украинской дворянской усадьбы реконструируется в виде иерархической структуры (сети) материальных и социальных элементов, в центре которой был панский дом с огромной террасой, далее фруктовый сад альтанки, увитые виноградом, пруд, за которым располагался хозяйственный комплекс: гумно, мельница, конюшня, псарня, домашние мастерские, корчма. Описание провинциального бала завершает хронотоп усадьбы богатого украинского помещика, картину быта и семейно-личностной сферы усадебной культуры.

Вместе с тем в произведениях Т. Шевченко, в частности «Прогулка с удовольствием и не без морали», встречаем блестящее описание таких социокультурных локусов, как крестьянская хата, жилище сельского священника, представлявшее собой улучшенный вариант жилища зажиточного селянина:

«...Дом отца Саввы наружностью своею ничем не отличался от большой мужицкой хаты, разве только двумя дымарами, одним белым, а другим закопченным, и небольшим навесом над дверями на точеных столбиках. И внутренность дома, те светлицы, тоже немногим отличался от внутренности хаты зажиточного мужика, разве только липовым чистым полом, посыпанным белым, как сахар, киевским песком. Такой роскоши мне не случилось видеть не только у богатого мужика, ниже у полупанка. Дубовый резной сволок с надписью, кем и в котором году дом сей построен, и такие же резные косяки у дверей и окон. В переднем углу образ Почаевской Божьей Матери, и вместо лампы теплились простого желтого воску свечи. Стол обыкновенной величины и фигуры, покрыт неважным килимом (ковром) и сверху как снег белой скатертью. Вместо стульев около стен широкие чистые липовые лавы (скамьи); между окнами боковой стены небольшой столик с фигурными ножками; на столике лежат раскрытые гусли с изображением на внутренней стороне крышки пляшущих пастушек и играющего на флейте пастушка. Над гус-

лями в почерневшей золотой раме, портрет Богдана Хмельницкого с гетманским гербом на фоне, окруженным какими-то буквами. Портрет, или, как матушка его называет, запорожец, – старинного, но нехитрого письма. Над портретом длинная полка, уставленная большими и маленькими книгами в темных кожаных переплетах. Налево от двери, в углу, толстая, неуклюжая печка из разрисованных кафель, очень похожая на свою хозяйку, матушку Евдокию, в штофной узорчатой споднице и такой же юпке с золотыми позументами. На нескольких кафлях между цветами и птицами нарисованы двуглавые орлы... Самое же лучшее украшение светлицы отца Саввы – это безукоризненная чистота и обаятельная свежесть. Не успел я, как говорится, оглянуться в сей обители мира и тишины, как стол уже был уставлен разнокалиберными графинами с разноцветными жидкостями и тарелками с разнородными закусками, а в заключение – около стола стояла свежая, розовая поповна с подносом в руках, уставленным чашками с чаем»²⁵.

В данном фрагменте художественно воссоздан жизненный мир семьи деревенского священника: деревянный дом, стол, лавки, печь из кафеля, липовый пол, детали интерьера (образа, гусли, портрет гетмана, полка с книгами), предметы быта (посуда, тарелки с кушаньем, графины с напитками, чашки с чаем). Причем, материальные предметы находятся в органическом единстве и взаимодействии с действующими лицами повествования, такими как: матушка в традиционной национальной одежде, юная поповна, отец. Все вместе люди и вещи создают единую сеть элементов, структуру локуса «украинская хата».

Вместе с тем социокультурный локус «хата» или шире «крестьянский двор» можно описывать и изучать иными средствами, путем теоретического конструирования. Такая теоретическая модель крестьянского двора – результат совместных усилий социологов, историков, философов с использованием методик устной истории, практик устной семейной истории, архивных исследований, социологических опросов и моделирования ситуаций.

Крестьянский двор – это социокультурный локус, представляющий собой совокупность материальных и социальных

²⁵ Там же. С. 249-250.

элементов, сеть humans/nonhumans акторов, находящихся в постоянном взаимодействии. Точками центрации сети (смысловыми узлами) выступают экономика, социальные отношения, мир вещей, личность, духовные ценности и т.п. Теоретическая модель, «крестьянского двора», предложенная российскими авторами, включает целый ряд аналитических структур:

1. *Двор-экономика* – это комплекс материалов, характеризующих практики повседневного выживания членов семьи, т.е. функционирование двора от одного природно-хозяйственного сезона у другому, из поколения в поколение.

2. *Двор-оснащение* предполагает анализ материального и нематериального оснащения двора. Крестьянский двор воспринимается прежде всего как материальное образование, совокупность объектов и ресурсов, характеризующих хозяйственное положение, социальный статус хозяев: бедняки, зажиточные, богатые, сильные, слабые. Нематериальное оснащение крестьянского двора – это сложившиеся правила жизни, устойчивые поведенческие нормы, повседневные привычки, обычаи, способы работы и отдыха, этические принципы, отражающие нравственную жизнь двора, общение с родней и соседями, а также странности и особенности, отличающие один двор от другого. Все эти факторы отображали материально-вещественную сферу, профессионально-производственную характеристику двора как основного инструмента крестьянского бытия. В целом, восприятие крестьянской экономики и морали осуществлялось посредством материального, через мир верей.

3. *Двор-умения* реконструируется на материалах культурной истории двора как определенной совокупности умений и навыков. Речь идет о крестьянском профессионализме, наблюдательности, готовности к усвоению новых знаний и навыков, использовании их в повседневных практиках. Например, кустарные изделия сельских мастеров, характерные для данной местности, в других регионах воспринимались в качестве декоративного оснащения повседневной жизни (глиняные горшки, чугуны, прялки, вальки, лапти и т.д.). Нематериальные, духовно-нравственные умения крестьянского двора отличаются способностью выстоять в сложных жизненных обстоятельствах, поддерживая друг друга в тяжкие дни,

организоваться как «команда», мобилизовать весь свой ресурс и выжить в лихие времена.

4. *Дворы-отношения* – это анализ ситуаций взаимной поддержки, помощи внутри крестьянской семьи и между семьями или, наоборот, противоречия, неприятие, противостояние сельских семейных кланов. С одной стороны, речь идет об отношениях поддержки, сочувствия и помощи, стремлении к кооперированию, с другой, – о предательстве, злобе, зависти, что в совокупности отражает широкий спектр отношений между дворами, кланами и родами на селе.

5. *Двор-привилегии* предполагает фиксацию фактов особого положения крестьянского двора в конкретном социуме, на который равняются как некий образец, присматриваются и относятся к нему не так как ко всем остальным. Различают привилегии двух видов: «внешние», которые двор получает от власти или со стороны односельчан, и «внутренние», формирующиеся «внутри» крестьянского двора, и носителями которых выступают отдельные члены семьи, это привилегии «домашнего» потребления. В данном контексте привилегии воспринимаются как социально-нравственная ценность.

6. *Двор-личности* фиксирует изменения социальных ролей и влияния отдельных членов крестьянского двора. Это касается не только функциональных ролей в семье (хозяин, муж, невестка, зять, воспитанник), но и смены возрастного, биологического статуса членов семьи (женщины, старики, дети, подростки, мужчины). В целом, крестьянский двор не позволяет выделиться личности, и тем самым бросить вызов судьбе, традиции, т.е. индивидуальность полностью поглощается семейным бытом, родственным сообществом. Нормы, порядок семейной жизни остаются статичными и неизменными. Дисциплина общих трапез, молитв, отхода ко сну, пробуждения, порядок отдыха – это обязательные правила для всех членов семьи, крестьянского двора. Существовала незримая сеть нивелирующих жизненных правил и норм поведения, выход за пределы которых вызывал негативные реакции всех членов группы, двора как социального целого. Вместе с тем были и личности, которые смогли стать своеобразными «символами двора» или «чужаками», «изгоями».

7. *Двор-коммуникации* презентует характер взаимодействия конкретного крестьянского двора с другими дворами, семейно-клановыми группами, а также нормы жизни самых разных единиц социальной организации села: община, артель, коммуна, колхоз, совхоз, МТС и др. Однако в фокусе внимания всегда находится конкретная единица – крестьянский семейный двор. Существенные изменения в жизни крестьянского двора связаны с процессами стремительного преобразования, трансформации норм существования села в советское время – периодом коллективизации.

8. *Двор-внешний мир* – аналитическая структура, описывающая взаимодействие крестьянского двора с центром уездного, районного, областного формата. Имеются в виду промыслы крестьян-отходников, жизнь и труд крестьян в городе, словом, обстоятельства столкновения двора с внешним миром, победы крестьян, их адаптации в других жизненных условиях. Понятие «внешний мир» относительно крестьянской жизни означает столкновение крестьянского двора, его отдельных представителей, с другим способом жизни, экономическими интересами, нравственными нормами, культурными обычаями и религиозными верованиями, принятыми «здесь» и «там».

9. *Двор-война, Двор-мир* раскрывают внутренние отношения между членами семейно-родственных групп. Это сведения о внутренней атмосфере жизни крестьянского двора, в одном случае о причинах, длительности и составе участников скандалов, распрей и ссор, в другом – об истинной дружбе людей и поколений внутри одного двора.

10. *Двор-будущее* репрезентует план жизнедеятельности семьи, стихийные стратегии действий и поступков членов крестьянской семьи, двора. Будущее проектируется через осознание прошлого семьи, жизни и жизненных стратегий отцов и дедов. Будущее представляется на основе опыта того, как сложились жизненные сценарии старших членов семьи²⁶.

Вне всяких сомнений, данная теоретическая модель крестьянского двора – это модель-навигатор в истории крестьянства (экономической, социальной, семейной), крестьянского быта, а также

²⁶ Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор: социологический преданализ // Социс. 2006. № 7. С. 57-60.

социокультурной истории вещей. Универсальность данной модели заключается в том, что социальное и материальное выступают как равноценные акторы, находящиеся в постоянном взаимодействии, что и создает разнообразие реальностей, точнее реальность в самых разных измерениях.

В целом, «поворот к вещам», дискурс вещиности воспринимаются как знак и «вызов» нынешнего времени. Обращение в материальному миру, понимание социальности вещи, восприятие предметов как равнозначного элемента в сети социальных отношений репрезентируют новые возможности интеллектуальной истории. «Материальный поворот» может и должен способствовать восстановлению равновесия между эмпирическим и теоретическим знанием, что означает создание теорий «среднего уровня», а также их верификацию на поле истории.